

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ СТРАТЕГИИ.

(По поводу сочинения капитана Мартынова: «Стратегія въ эпоху Наполеона и въ наше время»).

Только что вышедшее сочиненіе капитана Мартынова «Стратегія въ эпоху Наполеона и въ наше время», написанное весьма талантливо и интересно, нашло уже, на мой взглядъ, вполне вѣрную оцѣнку Е. У., помѣщенную въ № 49-мъ «Русскаго Инвалида» за текущей годъ. Соглашаясь вполне со взглядами почтеннаго критика, я имѣю въ виду только дополнить его заключенія и придать имъ большее развитіе, чѣмъ это онъ могъ сдѣлать въ бѣглой газетной статьѣ.

Не слѣдуя шагъ за шагомъ за возрѣніями автора (для чего пришлось бы написать цѣлое сочиненіе), ограничусь только разборомъ его главнѣйшихъ положеній, основанныхъ отчасти на прежде уже установившихся взглядахъ на задачи стратегіи, а отчасти, представляющихъ новую мысль, которую еще слѣдуетъ доказать.

Идеалы и обстановка.

«Стратегія, какъ и всякое искусство, стремится къ осуществленію на практикѣ извѣстнаго неизмѣннаго идеала; этотъ идеаль заключается въ слѣдующемъ: стратегическая операція должна отличаться преобладаніемъ разсчета надъ случайностями; она должна составлять нѣчто цѣльное, законченное; всѣ отдѣльные маневры и бои, на которые она распадается, должны находиться въ самой тѣсной логической связи между собою; представлять послѣдовательное развитіе одной основной идеи»¹⁾.

Все это совершенно вѣрно. Такъ говоритъ и генераль Г. А. Лееръ въ своемъ опредѣленіи принциповъ *методической стратегіи*. Но вопросъ этотъ рѣшенъ уже Наполеономъ на практикѣ и въ теоріи, причемъ имъ установленъ дѣйствительно неизмѣнный принципъ, что «обстановка на войнѣ всѣмъ повелѣваетъ».

¹⁾ Предисловіе къ сочин. кап. Мартынова.

«Гоняясь за идеалами (призраками), можно прозвать жизнь». Если бы, говорить Дрэперъ, всѣ женщины въ мірѣ обладали одною и тою же идеальною красотою Венеры Медицейской, то стали бы восхищаться всякимъ уклономъ отъ этой идеальной красоты, *напримръ*, косоватостью глазъ, или выдающеюся губою.

Приводя эти мысли о значеніи идеаловъ вообще, я хочу только указать на то, что если бы всѣ военныя операціи строились согласно требованіямъ военныхъ идеаловъ, признаваемыхъ высшею степенью искусства, то это дало бы своего рода шаблонную форму для всѣхъ операцій вообще, и въ выигрышъ остался бы тотъ, кто сдѣлалъ бы пзвѣстныя (согласно съ обстановкою) уклоненія отъ этихъ идеальныхъ формъ.

Дѣйствительно допустимъ, что одна сторона строго придерживается идеального исполненія предпринятой операціи, ничего не предоставляя риску и все основывая на точномъ расчетѣ; тогда противная сторона могла бы заранѣе предсказать, какъ въ данномъ случаѣ будетъ дѣйствовать ея противникъ. То есть, она знала бы не только вѣшнюю, но и внутреннюю сторону тѣхъ элементовъ, которыми обуславливается обстановка, и, пользуясь этимъ, полководецъ ея могъ бы принять такія рѣшенія, которыя слишкомъ методической противникъ, преклоняющійся предъ идеалами, считаетъ невозможными, какъ отступающими отъ идеала. Это-то и дало бы энергическому полководцу возможность рассчитывать на успѣхъ риска, «а если бы, говорить Наполеонъ, военныя предпріятія были основаны на одномъ только расчетѣ, ничего не предоставляя риску, то слава была бы удѣломъ посредственности».

«На войнѣ невозможное часто оказывается возможнымъ, и именно потому, что его считаютъ невозможнымъ» (Ллойдъ). Это ли не уклоненіе отъ идеала, допускающее рискъ, тогда какъ рискъ часто ведетъ къ случайности. Въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ, то, что относится къ случайности, есть только недостатокъ предусмотрительности, или происходитъ отъ не надлежащей оцѣнки обстановки, правильное пониманіе которой отстраняетъ или уменьшаетъ случайности и обуславливаетъ поэтому успѣхъ риска, оправдывая уклоненіе отъ идеаловъ.

Такъ, напримѣръ, дѣйствія Евгенія Савойскаго въ 1706 году въ Италіи, когда онъ, бросивъ свои сообщенія съ Тиродемъ (его базой), вступилъ въ страну, занятую превосходными силами французовъ, подвергали его армію страшному риску. Но онъ зналъ, что французы, управляемые бездарнымъ полководцемъ, Виллеруа, не въ

состояніи будутъ выйти изъ своей разбросанности на театрѣ войны и предпринять какое-либо энергическое противъ него дѣйствіе; онъ зналъ, что мѣстное населеніе не сочувствуетъ французамъ и имѣетъ достаточныя средства для прокормленія его арміи путемъ реквизицій, и потому, *правильно оцѣнивъ обстановку*, и уклоняясь отъ *идеала*, предпринялъ именно то, чего противникъ не ожидалъ, и достигъ блестящихъ результатовъ. Но тотъ же принцъ Савойскій, не успѣвъ оцѣнить другого своего противника, талантливаго Виллара, также рискнулъ своими сообщеніями, и испыталъ поражение при Дененѣ только потому, что неправильно выяснилъ себѣ условія обстановки: не оцѣнилъ своего противника, какъ полководца.

Наполеонъ также многое предоставлялъ риску, и даже цѣлую треть шансовъ успѣха всякой операціи возлагалъ на случайности, слѣдовательно, отступалъ отъ идеала, сущностью котораго во всѣхъ случаяхъ и должна являться *способность правильного пониманія обстановки* и умѣнье пользоваться ею. Я не могу себѣ представить значенія идеала иначе, какъ въ этомъ именно смыслѣ. Всего опаснѣе, когда по данному предмету создается *не одинъ*, а *нѣсколько* идеаловъ. Ясно, что идеаль можетъ быть только одинъ (дѣйствительный); остальные же или будутъ отрицаніемъ перваго, или плодомъ воображенія. Поэтому совершенно понятны слова генерала Леера въ его блестящей лекціи 3-го декабря прошлаго года въ академіи генеральнаго штаба (напечатанной въ № 3-мъ «Военнаго Сборника» 1894 г.); въ этой лекціи генераль Лееръ говоритъ: «сознаю опасную сторону разнаго рода идеаловъ, легко вырождающихся въ измышленія (предвзятые идеи, *Беконовскіе идолы*)»¹⁾.

Только возводя въ идеаль *созданіе благоприятной и наилучшее пониманіе данной обстановки, при умѣнии пользоваться ею*, и можно объяснить, почему военное искусство въ различные эпохи, выражаясь въ различныхъ формахъ, оставалось вѣрнымъ своему основанію, своей сущности (обстановкѣ).

Связь и зависимость военнаго искусства данной эпохи съ состояніемъ современной эпохи цивилизаціи.

«Стратегическое искусство каждой эпохи, говоритъ капитанъ Мартыновъ (стр. 5), есть только дитя своего времени, а слѣдовательно, и продуктъ известной цивилизаціи; ея идеями оно вдохновляется; отъ нея получаетъ опредѣленное, общее направленіе;

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1894 г. № 3, стр. 67. Выпоска 3. Г. Лееръ.

отъ нея заимствуетъ и главныя характеристическія свои черты». Что военное искусство выражалось (т. е. принимало различныя формы) различно въ различныя эпохи, это совершенно вѣрно. Это устанавливаетъ и генералъ Лееръ, сопоставляя «нѣсколько типовъ стратегическаго искусства въ разныя эпохи, изъ коихъ нѣкоторыя *диаметрально противоположны одинъ другому*; другіе же представляютъ уклоненіе въ ту или другую сторону»¹⁾. Эти уклоненія, и даже противоположности нашъ ученый авторъ весьма удачно называетъ *поправками*. Фридрихъ Великій, не имѣя возможности измѣнить весь «общественный строй» своей эпохи, могъ только «внести существенныя поправки въ тогдашнее, крайне трудное положеніе» (тамъ же).

«Весь корень зла въ стратегіи и тактикѣ заключался *въ духовной сторонѣ дѣла, въ человѣкѣ*»²⁾. Улучшить боевыя качества этого человѣка-солдата и составило предметъ особенной заботливости Фридриха; а выработать соответственный для того способъ управления арміей—было средствомъ для достиженія цѣли. Съ вѣрностью этого взгляда нельзя не согласиться, такъ какъ армія составляется изъ отдѣльныхъ единицъ, обуславливающихъ достоинство цѣлаго. Но это-то цѣлое—*армія* и есть элементъ той обстановки, которая опредѣляетъ задачи войны, и даетъ способы къ достиженію ея конечной цѣли «ослабленія силы и покоренія воли противника». Значитъ и здѣсь *обстановка* есть фундаментъ стратегіи, а человѣкъ является только однимъ изъ элементовъ этой обстановки: какъ бы ни былъ высоко развитъ человѣкъ, онъ не можетъ стать *вне* законовъ физическихъ, налагаемыхъ на него природою, и потому, безъ совокупнаго вліянія *благопріятныхъ обстановки условій*, онъ далеко не все можетъ сдѣлать, не смотря на всѣ свои *духовныя* силы и совершенства³⁾. Тотъ же Фридрихъ, съ тою

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1894 г. № 3, стр. 67.

²⁾ Тамъ же, стр. 73.

³⁾ Подъ вліяніемъ условій чисто физическаго характера, духовныя силы подлежатъ измѣненіямъ, и потому уже не могутъ быть приняты за нѣчто неизмѣнное. Та же армія Наполеона, предводимая тѣмъ же гениальнымъ полководцемъ, безусловно вѣрующая въ него и ему послушная, одержавшая съ нимъ столько блестящихъ побѣдъ, поставленная въ 1812 году въ неблагопріятныя условія обстановки (недостатокъ продовольствія), рѣзко мѣняетъ свой характеръ. Необходимость маршевого ослабляетъ ее въ пути, расширяетъ дисциплину до того, что солдаты не только не слушаются своихъ офицеровъ, но даже грабятъ ихъ и свои обозы, вступая изъ-за хлѣба въ драки цѣлыми отрядами. Наполеоновскіе гренадеры, его гвардія, грабятъ во Франціи замокъ, принадлежащій его матери. *Неблагопріятная обстановка* измѣнила *человѣка-солдата*. Она же измѣнила и самаго Наполеона, какъ *человѣка-полководца*.

же арміей, побѣждаетъ при Лейтенѣ и Росбахѣ и подвергается поражению при Куннерсдорфѣ, оттого, что недостаточно поизъялъ своего противника—графа Салтыкова. Прекрасная русская армія, обладающая тѣми же качествами, которыя ей доставили столько побѣдъ, разбита при Фридрихсдорфѣ оттого, что стала въ условія, не соответствовавшія обстановкѣ.

Безспорно, громадное значеніе имѣетъ духовная сила войска, но она еще не составляетъ всего. Эта сила уже потому должна быть принята во вниманіе, что она обуславливается характеромъ расы. Такъ, русскій, возвышаясь духомъ послѣ побѣды, не падаетъ имъ послѣ пораженія. «Какое-то врожденное чувство заставляетъ русскаго солдата въ минуту опасности скорѣе собираться въ кучу, чѣмъ бѣжать вразбродъ» (Наполеонъ).

Напротивъ того, французъ, способный на самый отчаянный подвигъ послѣ побѣды, теряетъ бодрость послѣ пораженія.

Подобно тому и турки, дерзкіе послѣ малѣйшаго успѣха, приходятъ въ полное разстройство послѣ пораженія, фанатически вѣруя, что если пророкъ допустилъ пораженіе правовѣрныхъ, то значить они озлобили его противъ себя, а потому, по крайней мѣрѣ, на время, всякое сопротивленіе было бы противно волѣ пророка.

Хотя всѣ эти особенности каждой отдѣльной расы и служатъ отчасти выраженіемъ ея цивилизаціи, но сопоставленіе съ нею состоянія военнаго искусства вообще, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики.

«Каждому культурному періоду, говоритъ авторъ разсматриваемаго сочиненія, должны соответствовать особыя формы военнаго искусства, и высшая отрасль послѣдняго—стратегія; эта философія войны должна сообразоваться съ духомъ времени и состояніемъ цивилизаціи такъ же, какъ и всякая философская система» (стр. 3). Поэтому онъ полагаетъ, что «вполнѣ возможна *исторія военнаго искусства въ связи съ исторіей цивилизаціи*» (стр. 9).

Мысль эта нова и смѣла, а потому интересна и заставляетъ задуматься. Но едва-ли можно согласиться съ ея вѣрностью.

Для доказательства справедливости этой мысли авторъ прибѣгаетъ къ указаніямъ исторіи. Но Леваль замѣчаетъ, что въ исторіи всегда найдется подходящій (по виду) примѣръ, которымъ, не впадая въ явную несообразность, можно подкрѣпить любой принципъ стратегіи, если этотъ принципъ даже не есть дѣйствительный, а только кажущійся.

Авторъ указываетъ на тотъ историческій фактъ, что въ эпоху

средних вѣковъ, при отсутствіи общей центральной государственной власти, военное искусство также отличалось отсутствіемъ единства въ операціяхъ. Каждый дѣйствовалъ самъ за себя, формировалъ отряды и давалъ имъ направленіе по своему личному усмотрѣнію, безъ общей связи и единства. Тоже и въ началѣ французской революціи: нѣтъ центральной власти, нѣтъ и единства въ военныхъ операціяхъ. Является Наполеонъ, централизуетъ власть, и появляется стратегія, какъ искусство, основанное на согласованіи частныхъ операцій, для выполненія общей идеи войны.

Все это факты, дѣйствительно представляемые исторіей, но, какъ мнѣ кажется, имъ придано не настоящее освѣщеніе.

Въ эпоху феодализма на западѣ, а у насъ за время *удѣльной системы*, не было центральной государственной власти, а были государства въ государствахъ (въ смыслѣ общей расы). Этотъ государственный строй (одинъ изъ элементовъ стратегической обстановки), страдая отсутствіемъ единства, естественно не могъ дать никакихъ обобщеній, необходимыхъ для проявленія стратегіи, какъ искусства, въ ея широкомъ развитіи. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что при отсутствіи той же центральной государственной власти, въ силу одной, роковой необходимости, удѣльные князья признають добровольно военную власть Димитрія Донскаго, и собирають вокругъ него 190,000-ную армію (удѣльныхъ князей), съ которою онъ и наноситъ пораженіе общему врагу на Куликовомъ полѣ. По исполненіи этой *стратегической* операціи, въ которой проявилось *полное единство*, начинается прежняя междусобица князей, съ которою приходится бороться Іоанну III и Іоанну IV.

Государственный строй есть только одинъ изъ элементовъ цивилизаціи, но *не составляетъ самой цивилизаціи*. Цивилизація устанавливается и развивается *отъ ками*, а социальный строй иногда мѣняется *часами*.

Бонапартъ разгоняетъ штыками совѣтъ 500 и устанавливаетъ *тотчасъ же* новый государственный строй, сосредоточивающій въ его рукахъ единство власти, дающей ему возможность ввести единство и въ военныя операціи. *Цивилизаціи современной онъ не измѣнилъ*, да и не могъ этого сдѣлать. Наука, искусство, религія, промышленность, культура и другіе элементы *цивилизации* остались тѣми же, какъ и были. Измѣнился только *одинъ* изъ элементовъ цивилизаціи (государственный строй), и въ зависимости съ нимъ измѣнилось и военное искусство. Но и послѣднее нельзя считать за результатъ перваго, а оно является послѣдствіемъ *личныхъ свойствъ*

одного человека; его творчества и генія. Безъ этихъ послѣднихъ качествъ и измѣнившійся строй государственной власти не привелъ бы ни къ чему. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что и въ современную Наполеону эпоху, и задолго до нея, въ Турціи господствовала не только *единая*, но даже *деспотическая* власть султана. Коранъ, этотъ государственный кодексъ социальнаго строя Турціи, давалъ султану право, безъ всякаго суда, по своему лишь личному побужденію, рубить въ одинъ день головы 13-ти челоуѣкамъ (не больше). И что же? при такой деспотической власти, способной, казалось бы, не только *все соединить*, но даже *слить* во-едино—мы видимъ постоянную *рознь* во всѣхъ военныхъ операціяхъ, которыя Турція только предпринимала со временъ своихъ первыхъ султановъ. *Власть была*, была и *возможность*, но не было *человѣка*, способнаго воспользоваться этою властью и этою возможностью. Значитъ, не *государственный строй* и не *цивилизация* народа порождаютъ военное искусство, а его создаетъ *геній* одного лица, поставленнаго въ возможность его проявленія. Нѣтъ генія, нѣтъ и искусства, потому что оно можетъ быть создано только геніемъ, со всѣми проявленіями его личныхъ качествъ и характера.

Да, наконецъ, если цивилизація обуславливаетъ собою формы военного искусства, то отсюда логически вытекаетъ слѣдующій выводъ: «чѣмъ цивилизованнѣе народъ, тѣмъ выше стоитъ его военное искусство». На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ. Цивилизація, напримѣръ, Англіи стояла и стоитъ не ниже а можетъ быть и выше современной намъ цивилизаціи; военное же ея дѣло и искусство несомнѣнно стоятъ *ниже*, чѣмъ у многихъ другихъ державъ Европы. Это еще разъ указываетъ на то, что *цивилизация не обуславливаетъ* военного искусства вообще, и стратегію въ особенности.

Есть множество другихъ указаній исторіи, не подтверждающихъ строгой зависимости военного искусства отъ современной цивилизаціи. Возьмемъ, для примѣра, эпоху Людовика XIV, на которой останавливается авторъ для поддержанія своей мысли. Людовикъ говорилъ: «государство—это я»,—«тому же господствующему теченію, говоритъ авторъ (стр. 5), подчиняется и военное искусство; оно представляетъ тѣ же характерныя черты, ту же чрезмѣрную централизацію, то же развитіе общаго начала, въ ущербъ частному».

Но этотъ примѣръ, какъ мнѣ кажется, указываетъ совсѣмъ противное. Абсолютная государственная власть Людовика, какъ правителя, говорить за идею полной самостоятельности, ведущей къ единству. Но Людовикъ не былъ полководцемъ, и потому во всѣхъ воен-

ныхъ операціяхъ Франціи ея эпохи идея полной власти полководца явно отсутствуетъ, равно какъ и общее единство операцій. Отдѣльныя арміи дѣйствуютъ на отдѣльныхъ театрахъ войны, безъ общей связи между собою, ни въ чемъ не проявляя идею единства.

Связь ихъ чисто номинальная, исходящая изъ Парижа, не имѣющая ничего общаго съ операціями армій на Рейнѣ и въ Италіи. Французскій полководецъ эпохи Людовика XIV не могъ сказать, подобно ему: «L'armée—c'est moi». Онъ самъ получалъ всѣ указанія относительно предстоящихъ ему дѣйствій. У него отнято было творчество, и онъ являлся не полководцемъ, а, такъ сказать, *управляющимъ* арміею: самостоятельность и единство, какъ господствовавшая идея вѣка, не находили выраженія въ области военного искусства во Франціи, потому что Людовикъ былъ только правителемъ, но не былъ полководцемъ, да еще *талантливымъ*, т. е. способнымъ установить военное искусство на прочномъ основаніи, *въ зависимости отъ обстановки*.

Перейдемъ къ эпохѣ 1757 г., къ эпохѣ Семилѣтней войны. Современная эпоха цивилизаціи была одинакова какъ для Австріи, такъ и для Пруссіи. Между тѣмъ, въ военномъ дѣлѣ — «въ планахъ австрійцевъ замѣчалось стремленіе *сковывать инициативу* начальниковъ; у прусаковъ же — *наоборотъ*».

«Въ планахъ прусскихъ *предметами дѣйствій* избирались, или преимущественно, или исключительно, *непріятельскія арміи*: тогда какъ въ планахъ австрійскихъ, или какой-либо пунктъ, или же планъ, формулировался такимъ образомъ, что предмета дѣйствій какъ бы и не было»¹⁾.

То же повторилось и въ 1866 году, хотя современная цивилизація въ каждую эпоху стояла на одинаковыхъ степеняхъ развитія. Какая же тому причина? Мнѣ кажется, что причиною тому въ обѣ эпохи было одно и то же: талантъ полководца. Фридрихъ Великій и Мольтке несравненно правильнѣе и лучше понимали военное дѣло и его зависимость отъ обстановки; яснѣе представляли себѣ цѣли войны и способы къ ихъ достиженію, чѣмъ лица, стоявшія во главѣ ихъ противниковъ.

То же мы видимъ и у насъ. Въ эпоху той же Семилѣтней войны, при самодержавномъ правленіи Елизаветы Петровны, главнокомандующій лишенъ самостоятельной инициативы. Онъ руководится указаніями изъ Петербурга, прешрождаемыми ему для обязательнаго

исполненія въ Пруссіи. Но при той же идеѣ полного самодержавія Императрица Екатерина II даетъ въ 1770 году полную власть Румянцову, какъ полководцу, для дѣйствій на Дунаѣ, что и показываетъ, что она лучше понимала сущность военного дѣла, чѣмъ ея предшественница; между тѣмъ, состояніе цивилизаціи въ обѣ эпохи не могло измѣниться за какихъ нибудь 10 или 12 лѣтъ.

Значитъ и здѣсь военное искусство является не результатомъ *цивилизаци*, а зависитъ, единственно, отъ *личности*, отъ *генія* лица, имѣющаго возможность и власть двинуть искусство впередъ. Высоко талантливый Румянцовъ ставитъ главною задачею своей стратегіи уничтоженіе арміи противника. При той же, и даже болѣе самостоятельности, какъ полководца, Потемкинъ приковываетъ свои дѣйствія къ крѣпостямъ. Причемъ же тутъ цивилизація? И здѣсь, поэтому, все зависитъ отъ таланта *человѣка-полководца*.

Если современная цивилизація и можетъ отразиться на *человѣкѣ-солдатѣ*, возвышая качество арміи, то это еще далеко не все: хорошая армія въ рукахъ плохаго полководца будетъ и дѣйствовать плохо (въ стратегическомъ смыслѣ). Стратегія же, какъ высшее военное искусство, нуждается въ геніѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ талантѣ полководца, который только и можетъ двинуть на практикѣ искусство впередъ. Поэтому военное искусство въ его историческомъ развитіи представляетъ рядъ періодовъ, совпадающихъ не со степенями развитія цивилизаціи, а съ эпохою появленія военныхъ геніевъ на поприщѣ исторіи. По именамъ этихъ геніевъ логичнѣе опредѣлять стадіи въ развитіи военного искусства, чѣмъ по степенямъ развитія цивилизаціи. Такимъ образомъ, ходъ развитія военного искусства совершенно справедливо можетъ быть опредѣленъ именами его высшихъ представителей въ различныя эпохи, что и составилъ — вѣкъ Александра Македонскаго, Цезаря, Анибала, Густава Адольфа, Фридриха Великаго, Наполеона и проч.

Это является тѣмъ болѣе основательнымъ, что талантъ полководца имѣетъ несравненно большее значеніе и болѣе обуславливаетъ успѣхи арміи, чѣмъ это можетъ инымъ казаться. Всякій знаетъ, что талантъ полководца, такъ сказать, усиливаетъ значеніе арміи. Но какъ велико это усиленіе? Пытаясь разрѣшить этотъ вопросъ, я долженъ предварительно остановиться на томъ, что собственно составляетъ *силу арміи*?

Подобно тому, какъ въ политической экономіи *производительныя силы* страны выражаются извѣстными функциями — условій

¹⁾ Гейбеманъ. «Паралель войнъ 1757 и 1866 гг. въ Богеміи», стр. 119.

почвы, климата и культуры, въ военномъ дѣлѣ *производительная сила арміи* выражается извѣстнымъ взаимнымъ отношеніемъ *массы* и *качества войскъ*. Если въ механикѣ сила удара есть произведение массы (вѣса) тѣла на быстроту его движенія въ моментъ удара, то производительная сила арміи (положимъ P) можетъ быть выражена произведеніемъ ея массы (численности), которую назовемъ M , на качество арміи, V . По этому можно составить уравненіе . . . $P=M \cdot V$.

Но V , какъ качество армій, въ свою очередь, можетъ быть разсматриваемо какъ произведение изъ качества войскъ (солдата) на талантъ полководца. Называя первое чрезъ q , а послѣдній чрезъ T , получится $P=q \cdot T \cdot M$.

Поэтому, если мы имѣемъ историческій фактъ, что при Кагулѣ 17,000 Румянцова одержали полную побѣду надъ 150,000-ной арміей визиря, то, принимая *качество* турецкихъ войскъ за единицу, мы въ правѣ сказать, что при Кагулѣ производительная боевая сила русской арміи (P) была больше производительной боевой силы турецкой арміи (тоже P). Допуская, что онѣ были только равны между собою, и округляя цифры, можно составить слѣдующее уравненіе:

$$17,000 \cdot q \cdot T = P \\ \text{и } P = 150,000.$$

$$\text{Слѣдовательно, } 17,000 \cdot q \cdot T = 150,000.$$

Принимая, что q (качество русского солдата), какъ результатъ лучшаго вооруженія, снаряженія и обученія, *отрое* выше боевой способности турецкаго солдата, т. е. его качества (принятаго за единицу), получимъ $q=3$.

$$\text{Или . . . } 17,000 \cdot 3 \cdot T = 150,000. \text{ Отсюда}$$

$$T = \frac{150,000}{17,000 \cdot 3} = \frac{150,000}{50,000} = 3.$$

Другими словами: если качество русского солдата дѣлаетъ 17,000-ную русскую армію равносильною 50,000-ной турецкой арміи, то T , талантъ полководца, утраиваетъ ея значеніе, уже усиленное извѣстнымъ качествомъ солдата; то есть, что въ данномъ случаѣ, 50,000-ная армія, по качеству равная турецкой, возрастаетъ до 150,000 подъ вліяніемъ таланта полководца, какъ бы замѣняющаго собою цѣлую 100,000-ную армію, одинаковаго качества съ турецкою, какъ если бы таковая была придана къ арміи, которою командовалъ Румянцовъ подъ Кагуломъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что (при сдѣланномъ предположеніи) *два трети* въ условіяхъ успѣха русскихъ подъ Кагуломъ нужно отне-

сти къ таланту Румянцова, какъ полководца, и только *одна треть* принадлежитъ войскамъ, принимая во вниманіе ихъ численность и качество солдата.

Поэтому, если Екатерина, отправляя Суворова въ Польшу съ арміей, выразилась такъ: «Я отправляю въ Польшу двѣ арміи, одну, которую ведетъ Суворовъ, и другую, которую составляетъ самъ Суворовъ», то по отношенію къ Румянцову при Кагулѣ можно было бы сказать:

«При Кагулѣ была армія, которою командовалъ Румянцовъ, и еще такія же двѣ арміи, которыя составлялъ самъ Румянцовъ».

Если въ разсмотрѣнномъ случаѣ, принимая качество русского солдата (q) и талантъ полководца (T) стоящими *выше нормы* (принимаемой за единицу), мы могли допустить, что q и T входятъ въ уравненіе, какъ *множители*, т. е. что $P=q \cdot T$, то это можетъ быть справедливо только тогда, когда q и T суть величины положительныя (выше нормы), и потому разсматриваются въ уравненіи со знакомъ $+$ (плюсь).

Когда же q или T , каждое особо или вмѣстѣ, выражаютъ величину отрицательную (ниже нормы) и потому входятъ въ уравненіе со знакомъ *минусъ*, то при этомъ они могутъ быть разсматриваемы уже не какъ множители, но какъ *слагаемыя*.

При этомъ могутъ быть четыре случая:

1) q и T *положительныя*. Поэтому $P=q+T$.

Сообразно со сказаннымъ выше, и примѣняя случай къ опредѣленію производительной силы русской арміи при Кагулѣ, получится:

$$P = 17,000 \cdot 3 + T = 150,000 \text{ или} \\ P = 50,000 + T = 150,000, \text{ откуда} \\ T = 150,000 - 50,000 = 100,000,$$

т. е. и въ этомъ случаѣ, принимая q и T за слагаемыя, а не за множители, получился тотъ же выводъ для опредѣленія значенія таланта полководца.

Въ другихъ же случаяхъ, разсматривая q и T , какъ слагаемыя, придемъ къ такому опредѣленію:

$$2) q- \text{ при } T+ \dots \dots P=T-q \\ 3) q+ \text{ при } T- \dots \dots P=q-T \\ 4) q- \text{ при } T- \dots \dots P=-(q+T).$$

Переводя эти выраженія на разговорный языкъ, видно, что во второмъ и третьемъ случаяхъ значеніе арміи *ослабляется* состояніемъ качества солдата или таланта полководца, если то или другое

неудовлетворительны — ниже нормы. Положительный результат составить лишь *разность* между положительною стороною T и отрицательною q или наоборот. В четвертом же случаѣ плохой полководец и плохая армія только взаимно усиливаютъ недостатки другъ друга.

Это и показываетъ, что когда q или T должны разсматриваться со знакомъ *минусъ*, то они могутъ входить въ уравненіе не иначе, какъ въ качествѣ *слабыхъ*, иначе при $-q$ и $-T$ получилось бы: $P = (-q) \times (-T) = +q \cdot T$,

т. е. получилась бы явная несообразность, не допускаемая логикой.

Все сказанное мною выше вело лишь къ тому, чтобы ближе подойти къ разсмотрѣнію положеній, устанавливаемыхъ авторомъ «Стратегіи въ эпоху Наполеона и въ наше время» относительно современнаго паденія стратегіи, какъ искусства, и низведенія роли полководца чуть не до автоматизма. Этихъ вопросовъ нельзя оставить безъ отвѣта въ интересахъ всего военнаго дѣла вообще.

Значеніе массы.

Говоря о чрезмѣрномъ увеличеніи армій въ войнахъ послѣдняго времени и о возрастаніи ихъ еще до большихъ размѣровъ въ будущемъ, авторъ видитъ въ этомъ «роковыя, неизбѣжныя причины, которыя вызываютъ въ наше время этотъ чрезмѣрный ростъ армій». «Главнѣйшая изъ этихъ причинъ, говоритъ онъ, лежитъ въ развитіи техники» — усовершенствованное ружье, желѣзныя дороги, давшія возможность передвигать и кормить миллионныя арміи. «Чѣмъ дальше идетъ усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ это послѣднее *въ ущербъ значенію личныя свойства* человѣка» (стр. 12).

Если послѣднее положеніе автора вѣрно, то изъ него логически вытекаетъ слѣдующій выводъ: «чѣмъ *несовершеннѣе* метательное оружіе, тѣмъ больше возрастаютъ личныя свойства человѣка». Изъ этого слѣдуетъ допустить, что дикарь, стрѣляющій изъ лука, обладаетъ *высшими личными свойствами, чѣмъ* человекъ, стрѣляющій изъ современнаго ружья, воспроизводимаго усовершенствованною современною техникою, за которое не сумѣетъ взяться дикарь.

Авторъ подкрѣпляетъ свое положеніе указаніемъ на то, что, по его мнѣнію, усовершенствованіе машинной техники и въ промышленномъ производствѣ ослабило (понижило) искусство работника

и, такъ сказать, умалило его личность. Съ этимъ также нельзя согласиться. До изобрѣтенія фабричныхъ машинъ, когда все исполнялось ручною работою, и все требовало громадной затраты физическаго труда, дѣйствительно существовала въ политической экономіи формула: ремесло создаетъ работника. Но специальный трудъ этого работника не превышалъ, напримѣръ, умѣнья на фабрикѣ прокалывать ушки въ иголкахъ, или заострять ихъ концы, или выстругивать деревянные гвоздики для приколачиванія подошвъ къ сапогамъ фабричнаго производства. При этой чрезмѣрной спеціализаціи личнаго труда рабочій не умѣлъ ни спать для себя цѣлаго сапога, ни отковать гвоздя, ни сдѣлать цѣлой иголки. Между тѣмъ, мало производительный его трудъ поглощалъ у него все время, утомлялъ физически и приносилъ мало, т. е. ставилъ въ условія, невозможныя для развитія его духовной и умственной стороны.

Появленіе машинъ на фабрикахъ, сокративъ во много разъ физическую работу ремесленника, дало ему и больше времени, и больше средствъ, для его умственнаго развитія, сокративъ только число рабочихъ. Другими словами, *масса замѣнилась качествомъ*. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что современный рабочій на фабрикѣ умственно развитѣе прежняго, умѣйнаго только выстругивать всю жизнь деревянные гвоздики. Съ этимъ фактомъ согласны почти всѣ политико-экономы, да оно и понятно: рабочій, который на своихъ плечахъ переносилъ на значительныя разстоянія хлѣбныя кули, не сдѣлается глуше отъ того, что рядомъ съ этимъ кулемъ сидеть и поѣдетъ по желѣзной дорогѣ.

Итакъ, я прихожу къ совершенно противоположному выводу, что въ данномъ случаѣ техника машинъ, *сокративъ массу рабочаго люда, возвысила его качество*.

Этотъ выводъ приводитъ къ возможности разсмотрѣть вопросъ о *значеніи массъ* въ современной стратегіи.

Увеличеніе боевыхъ массъ на театрахъ военныхъ дѣйствій, замѣчаемое въ войнахъ послѣдняго времени, особенно въ войнахъ 1864—1865 годовъ въ Америкѣ и Франко-Прусской 1870—1871 годовъ, есть только *фактъ*, но не можетъ быть разсматриваемо какъ «роковая, неизбѣжная причина», вызываемая развитіемъ современной техники.

Громадныя массовыя арміи не есть что-либо новое въ исторіи военнаго искусства. Еще за 550 лѣтъ до Р. Х., въ сраженіи при Омврахъ, армія Креза представляла цифру въ 420,000 человекъ и армія Кира до 200,000 человекъ. Больше 600,000 оперировало

на одномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ сраженіи 331 года, при Гавгамеллѣ, армія Дарія доходила до 500,000, а по указаніямъ другихъ, даже до 1.000,000. Въ сраженіи на поляхъ Каталаунскихъ, въ 450 г. нашей эры, армія Аэція (римская) насчитывала въ своихъ рядахъ отъ 500,000 до 700,000 чел. Въ сраженіи при Ангорѣ, въ 1402 г., въ арміи Тамерлана было отъ 250,000 до 300,000 воиновъ.

Однако, исторія свидѣтельствуетъ, что великіе полководцы древности, какъ: Александръ Македонскій, Цезарь и Аннибалъ, не увлекались численностью (массою) предводимыхъ ими армій, ограничивая ихъ числомъ отъ 20,000 до 30,000 или 40,000 человекъ, обращая преимущественное вниманіе на ихъ *качество* и на условія *обстановки*. Последняя и не требовала громадныхъ армій, потому что противники древняго міра Греціи и Рима разсчитывали лишь на массы, въ ущербъ ихъ качеству; а великіе полководцы древности отдавали преимущество качеству, въ ущербъ массе, и достигали великихъ результатовъ, благодаря лишь силѣ своего творческаго генія и умѣнію пользоваться обстановкою, давашею имъ возможность быстрыхъ движеній и неожиданныхъ появленій тамъ, гдѣ противникъ, не оцѣнивающій условій обстановки, не считалъ возможнымъ ихъ появленій (походъ Аннибала черезъ болота).

То же предпочтеніе качества массѣ замѣчается и въ дѣйствіяхъ Густава Адольфа и Фридриха Великаго.

Наполеонъ къ силѣ своего военнаго генія присоединяетъ еще и массу, и качество солдата. А мы уже видѣли, въ какой мѣрѣ это возвышаетъ производительную, боевую силу армій, когда всѣ элементы побѣды могутъ быть разсматриваемы какъ множители, для полученія общаго произведенія.

Наполеоновская армія, однако, достигшая высшей цифры въ 1812 году, не превышала 500,000 человекъ, а въ 1805 году—188,000 человекъ.

Нѣмцы, не создавъ генія, подобнаго Наполеону, унаслѣдовали отъ него идею значенія массовыхъ армій и увеличили ихъ, въ 1866 году, до 293,000 ¹⁾, а въ 1870 году до 480,000, причемъ на театрѣ войны армія ихъ не превышала 380,000.

Противъ этихъ армій австрійцы, въ 1866 году, выставили силы, почти равныя, 263,000 человекъ; а французы, въ 1870 году, всего 220,000, т. е. *меньше половины* армій нѣмцевъ.

Если принять во вниманіе, что нѣмцы, независимо отъ двойной

¹⁾ На театрѣ войны въ Богеміи было собственно 264,000.

массы, имѣли еще на своей сторонѣ и превосходство въ качествѣ солдата (лучшая дисциплина и боевая подготовка); что на ихъ же сторонѣ была и *научная* подготовка частныхъ начальниковъ, и талантъ полководца, хотя и дѣйствовавшего не вполне самостоятельно, но въ качествѣ скорѣе *совѣтника*, мнѣнія котораго, однако, высоко уважались, то это одно уже указываетъ, что однихъ *моральныхъ качествъ* нѣмецкихъ армій (принимая въ расчетъ и талантъ полководца) было достаточно для обезпеченія нѣмцамъ боеваго успѣха при равныхъ, и даже при меньшихъ силахъ, сравнительно съ французами. Но когда при превосходствѣ нравственныхъ качествъ армій нѣмцы имѣли на своей сторонѣ еще и *двойное* превосходство въ массѣ, то последняя являлась уже *излишне преувеличенною*, что могло только стѣснить ея операціи, въ смыслѣ подвижности и управленія, и что въ данномъ случаѣ въ этомъ не было «роковой необходимости». Поэтому войну 1870—1871 годовъ нужно разсматривать какъ находившуюся въ условіяхъ исключительныхъ, при которыхъ масса только ускорила исходъ войны, но не вызывалась необходимостью. Правда, та же масса дала возможность нѣмцамъ быстрѣе развить свои операціи и предпринимать рискованные марши-маневры; но при иномъ способѣ дѣйствій французовъ, если бы во главѣ ихъ арміи стоялъ человекъ, по таланту не уступавшій Мольтке, то и при данныхъ условіяхъ массы, нѣмцы могли бы испытать нѣсколько серьезныхъ неудачъ.

То же нужно сказать и относительно значенія массовыхъ армій въ Американскую войну 1864—1865 годовъ.

Здѣсь также, на сторонѣ сѣвера—финансовыя средства, численность войскъ, содѣйствіе флота; на сторонѣ же юга—относительная слабость силъ, скудость средствъ войны и неимѣніе флота, столь важнаго фактора войны, театръ которой находится по близости моря. Условія, опредѣляющія матеріальную силу армій, безусловно находятся на сторонѣ сѣвера. Армія сѣверянъ превышаетъ 260,000 человекъ; армія южанъ не превосходитъ 110,000 или 120,000 человекъ. Признавая качество солдата одинаковымъ для обѣихъ сторонъ, остается разница въ талантѣ полководцевъ. Во главѣ южанъ стоитъ высокоталантливый *Ли*; у сѣверянъ—хорошіе генералы, Грантъ и Шерманъ, но оба они, по таланту, ниже своего противника; талантъ послѣдняго сглаживаетъ неравенство массъ, и въ результатѣ оказывается, что во всѣхъ частныхъ бояхъ, отъ Кольпера до Ричмонда, на разстояніи 100 верстъ, Ли наноситъ постоянныя пораженія Потомакской арміи Гранта, чрезвычайно успѣшно

противится всѣмъ совокушимъ силамъ сѣвера при оборонѣ Ричмонда, и только голодъ заставляеть его покинуть этотъ городъ; но случайное разрушеніе одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій, произведенное за часъ до прихода къ ней арміи Ли, лишаетъ его возможности воспользоваться единственнымъ путемъ отступления, что и вынуждаетъ его сдать свою *голодную* армію на капитуляцію.

Такимъ образомъ, и въ Американскую войну 1864—1865 годовъ масса проявила свое превосходство только при равныхъ условіяхъ качества солдата; но это превосходство было уравновѣшено до извѣстной степени превосходствомъ таланта Ли, какъ полководца, сравнительно съ его противниками, такъ что эта война служить доказательствомъ скорѣе того, что *не массы, а талантъ полководца* по преимуществу обуславливаетъ производительную силу извѣстной арміи.

Итакъ, три послѣднія войны, наиболѣе способствовавшія установленію мысли о господствующемъ значеніи массъ въ современной стратегіи, разсматриваемыя съ иной точки зрѣнія, не даютъ еще достаточныхъ доказательствъ для признанія за массаи *роковой необходимости изъ возрастанія и въ будущемъ*.

Война 1870—1871 годовъ болѣе всего утвердила мысль о «роковой необходимости массовыхъ армій», которая въ будущемъ считаютъ возможнымъ и даже необходимымъ доводить съ каждой стороны до миліоновъ на одномъ и томъ же театрѣ войны.

Но вѣдь и въ эту войну на театрѣ дѣйствій во Франціи арміи нѣмцевъ не превосходили, а были даже меньше Наполеоновскихъ армій (380,000, а у Наполеона до 500,000).

Несмотря на это, онѣ были даже *излишне велики*, такъ какъ успѣхъ обезпечивался всѣми другими условіями. Напротивъ того, *излишекъ массы* способствовалъ только предпріятію слишкомъ рискованныхъ операцій (какъ въ половинѣ августа 1870 года), пренебреженію къ врагу (совершенная потеря изъ вида 150,000-ной арміи Базена, которую предполагали то впереди Меца, то въ Мецѣ и на дорогѣ изъ Меца въ Шалонь); наконецъ, этотъ излишекъ массы лишилъ армію нѣмцевъ свойственной имъ до того (1866 г.) идеи единства и гармоніи операцій, какъ это случилось въ сраженіи при Гравелотѣ. Тутъ дѣйствовала въ сущности не одна, а двѣ арміи—Штейнмеца и Фридриха-Карла. Разыгралось не одно, а два сраженія—при Гравелотѣ, на лѣвомъ, и при С.-Прива, на правомъ флангѣ французовъ. Первая изъ нихъ (70,000 человекъ) была вѣдъ съестъ второй (130,000) тогда какъ она дѣйствовала противъ

наиболѣе важнаго *стратегическаго* фланга французовъ, и потому успія ея должны бы направиться къ тому, чтобы отрѣзать французовъ отъ Меца и отбросить ихъ къ бельгійской границѣ.

Послѣ того, какъ путь отступления арміи Базена къ Шалону былъ уже занятъ арміей Фридриха-Карла, часть этой арміи должна бы содѣйствовать операціямъ генерала Штейнмеца противъ лѣваго фланга французовъ. Въмѣсто того Фридрихъ-Карлъ направляетъ войска, которыми командовалъ, на С.-Прива, съ цѣлью опрокинуть на Мецъ армію Базена, отдѣливъ ее отъ бельгійской границы, тогда какъ общемою идеею войны было постановлено *отбросить* французовъ къ нейтральной границѣ Бельгіи, лишивъ ихъ армію возможности продовольствія. Въмѣсто того армія Базена получаетъ возможность снова вступить въ Мецъ и укрыться въ немъ, что привело къ блокадѣ и затянуло развязку самой войны.

Чѣмъ же объяснить это отсутствіе единства въ ходѣ и развитіи боя при Гравелотѣ—С.-Прива, которое замѣчается у нѣмцевъ? Мнѣ кажется, это можно объяснить вреднымъ вообще вліяніемъ *излишка массы*, бывшей на сторонѣ нѣмцевъ. Это породило у нихъ мысль о возможности рисковать наступленіемъ части арміи къ линіи Мааса, когда не выяснилось еще положеніе дѣлъ на Мозелѣ и ничего почти не было сдѣлано для выясненія этого положенія. Поэтому, бой при Гравелотѣ хотя и является для нѣмцевъ боемъ не случайнымъ, а предвидѣннымъ, но самый ходъ его велся безъ общаго руководства и противно стратегической цѣли, по усмотрѣнію двухъ отдѣльныхъ главнокомандующихъ нѣмецкими войсками.

Едва-ли основательно признавать въ ходѣ этого боя *торжество частной инициативы*, проявленной Фридрихомъ-Карломъ, безъ которой будто бы нельзя и развивать хода сраженія *современныхъ массовыхъ армій*.

Вѣдь въ данномъ случаѣ силы нѣмцевъ не превосходили 200,000 человекъ. При Лейпцигѣ 6-го (18-го) октября 1813 года у союзниковъ было 282,000 человекъ; это, однако, не мѣшало имъ вполнѣ самостоятельно управлять ходомъ боя такъ же, какъ и Наполеону, имѣвшему въ бою 190,000 человекъ. Отчего же это въ настоящее время невозможно будто бы для 200,000-ной арміи?

Напротивъ, состояніе современной техники—полевые телеграфы, телефоны, воздушные шары, моментальные снимки мѣстности помощью фотографіи и проч., болѣе чѣмъ прежде даютъ полководцу возможность правильнаго ориентированія на полѣ сраженія и сохранить единство въ ходѣ развивающагося сраженія.

Если бой при Гравелотѣ разыгрался не въ полной гармоніи общаго цѣлаго и нѣмецкія арміи вступали въ дѣло послѣдовательно, по мѣрѣ ихъ прибытія къ полю сраженія, а въ бою дѣйствовали какъ бы каждая отдѣльно, безъ общаго, объединяющаго руководства, по инициативѣ главнокомандующаго каждою арміею (особенно Фридриха-Карла), то это далеко еще не доказываетъ того, что бой и не могъ вестись иначе. При Гравелотѣ собственно не было полководца, а было два главнокомандующихъ. Во все время Гравелотской операціи главная квартира нѣмцевъ и при ней Мольтке находились позади передовыхъ частей арміи, и потому начальникамъ этихъ армій предоставлена была полная инициатива, съ указаніемъ лишь одной общей директивы: пресѣчь армію Базена отступление къ Маасу и отбросить ее къ границамъ Бельгіи. Если бы второю арміею нѣмцевъ командовало не столь высоко поставленное лицо, какъ Фридрихъ-Карлъ, а строевой генераль, — Мольтке, вѣроятно, взялъ бы на себя не только указаніе общей директивы, но принялъ бы и болѣе самостоятельное участіе въ ея осуществленіи и находился бы впереди арміи для выясненія обстановки (что Наполеонъ дѣлалъ всегда лично) и поступалъ бы вообще не въ качествѣ только совѣтника, но въ качествѣ талантливаго полководца. Во всякомъ случаѣ, судя лишь по одному примѣру, по условіямъ, при которыхъ совершалась Гравелотская операція, никакъ еще нельзя придти къ заключенію, что въ современной стратегіи обнаруживается «слабое вліяніе полководца на ходъ развивающихся на его глазахъ событій» и что теперь «вліяніе полководца ничтожно» (стр. 213, у автора). Дѣлать подобный смѣлый выводъ, основываясь на одномъ лишь примѣрѣ, это то же, что рѣшать какой нибудь вопросъ на основаніи одной лишь книги, къ нему относящейся; а извѣстно опасеніе философа, сказавшаго, «боюсь человѣка, прочитавшаго одну только книгу».

Гравелотская операція была исполнена такъ не потому, что иначе не могла быть исполнена, а потому, что силы нѣмцевъ позволяли имъ производить разные стратегическіе опыты. Предоставленіе полной, самостоятельной инициативы главнокомандующему отдѣльною арміею (Фридриху-Карлу) вызывалось можетъ быть не столько стратегическими, сколько иными соображеніями, ничего общаго стратегіею не имѣющими. Этимъ я вовсе не имѣю въ виду умалить вообще значеніе инициативы частныхъ начальниковъ въ ходѣ развитія современныхъ стратегическихъ операцій и въ такомъ актѣ, какъ бой; но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы вслѣдствіе

ея роль полководца стала «ничтожною», умалилась чуть не до автоматизма. Это вызываетъ необходимость остановиться на значеніи частной инициативы вообще.

Инициатива частныхъ начальниковъ.

Въ эпохи, когда арміи не превышали нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, управленіе ими было сравнительно легко и потому сосредоточивалось вполнѣ въ лицѣ полководца. Онъ могъ обнять взглядомъ всю свою армію и даже непосредственно руководить каждою отдѣльною ея частью, по крайней мѣрѣ, на полѣ сраженія. Когда же предстояло предпринять болѣе сложныя операціи, для выполненія стратегическихъ задачъ, требовавшихъ для выполненія ихъ отдѣленія отъ арміи особыхъ отрядовъ, на разстояніи болѣе или менѣе значительныхъ, то и тогда частнымъ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, въ силу самой необходимости, предоставлялась частная инициатива, по невозможности непосредственнаго руководства ихъ дѣйствіями на дальнемъ разстояніи. Такъ дѣйствовала Фридрихъ Великій въ Семилѣтнюю войну 1757 года на Силезскомъ театрѣ войны и въ 1759 году на Одерѣ и Вислѣ (напримѣръ, армія Дона: его Пальцигская операція и операція къ Обернику).

Понятно, что чѣмъ на большее разстояніе отдѣляется особый отрядъ отъ главныхъ силъ и чѣмъ болѣе сложности требуетъ выполненіе возложенной на него задачи, тѣмъ болѣе должна быть сила отряда, тѣмъ болѣе обеспечено его продовольствіе (главнѣйшее условіе для сохраненія этой силы); тѣмъ болѣе должна быть предоставлена инициатива его начальнику, и тѣмъ высшими способностями долженъ обладать начальникъ такого отряда, потому что ему необходимо, по собственному его усмотрѣнію, пользоваться условіями времени и мѣста (принять въ расчетъ разстояніе до предмета дѣйствій и состояніе путей сообщенія, къ нему ведущихъ; возможность преждевременной встрѣчи съ противникомъ и проч.).

Выборъ такого начальника, умѣніе оцѣнить его способности и, сообразно съ тѣмъ, предоставленіе ему болѣе или меньшей степени инициативы, есть уже задача, которая лежитъ на полководцѣ и составляетъ признакъ его таланта.

Румянцовъ предоставлялъ такую инициативу Вейсману и Суворову въ ихъ поискахъ на Исаклу, Тульчу, Бабадагъ и Туртукай, и оба они были лучшими генералами въ его арміи.

Въ Наполеоновскую эпоху, при увеличеніи состава армій до

сотенъ тысячъ человѣкъ, необходимость предоставленія частнымъ начальникамъ самостоятельной инициативы ощущалась больше, чѣмъ когда-либо. Наполеонъ сознавалъ это, конечно, но жаловался на то, что его маршалы способны вести самостоятельныя операціи только «по большимъ дорогамъ» и съ отрядами не свыше 25,000 человѣкъ. Этотъ упрекъ едва-ли справедливъ. У него были такіе маршалы, какъ: Даву, Сультъ, С.-Сиръ, Макдональдъ и Массена, вполне способные къ веденію самостоятельныхъ операцій; но Наполеонъ, по причинамъ уже не стратегическаго значенія, опасался давать имъ случаи проявить въ полной силѣ свои таланты. «Я охотно, говорилъ онъ, вѣнчаю лаврами голову, не особенно способную носить ихъ». Онъ не желалъ сопоставленій съ собою, чтобы свѣтъ падалъ на него одного; но это уже черта его личнаго характера, сослужившая ему плохую службу.

Тѣмъ не менѣе, идея важнаго значенія частной инициативы имъ сознавалась вполне. Эта идея усвоена и развита была нѣмцами въ 1870—1871 годахъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, но не была достаточно *регулирована*. Благодаря ей, почти всѣ сраженія у нѣмцевъ въ 1870 году были или случайными, или нецѣлесообразными.

Такъ, первую и вторую прусскія арміи, разбросанныя на значительномъ районѣ, имѣлось въ виду соединить для совмѣстнаго наступленія къ р. Сааръ, что предполагалось исполнить 7-го августа. Но *авангардъ* первой арміи, по собственной инициативѣ его начальника (генерала Камеке), завязываетъ дѣло у Шпихерна 6-го августа. Разбросанныя войска второй арміи спѣшатъ идти на выстрѣлы; разыгрывается бой случайный, не подготовленный, и ведется войсками, вступающими въ дѣло частями, днемъ раньше, чѣмъ предполагалось.

Въ тотъ же день, 6-го августа, произошло другое, случайное и преждевременное для прусаковъ сраженіе при Вертѣ. Начальникъ *авангарда* 5-го корпуса третьей арміи, генералъ Вальтеръ, по собственной инициативѣ предпринимаетъ усиленную рекогносцировку, завязываетъ бой съ артилеріей. Разбросанные корпуса третьей арміи спѣшатъ на выстрѣлы. 5-й корпусъ вступаетъ въ бой, и при болѣе энергіи французовъ могъ бы претерпѣть полное пораженіе. Но французы помогли ему сохранить свою позицію и подождать прибытія другихъ корпусовъ, вступавшихъ въ дѣло послѣдовательно.

Въ обоихъ случаяхъ инициатива частныхъ начальниковъ при-

вела къ боямъ преждевременнымъ, неподготовленнымъ, и разрушила предположенія главнокомандующихъ.

Та же неумѣстная частная инициатива проявилась со стороны прусаковъ 14-го августа, близъ Меца, что вызвало нежелательное для нихъ сраженіе при Борни. *Авангардъ* 7-го прусскаго корпуса, всего семь баталіоновъ, завязываетъ бой съ тремя французскими корпусами, стоящими близъ Борни. 7-й корпусъ ввязывается въ дѣло; другіе корпуса идутъ на выстрѣлы и завязывается снова случайный бой, въ которомъ прусаки, считая всѣ ихъ прибывшія къ полю сраженія войска, находятся въ силахъ, вдвое слабѣйшихъ противъ французовъ, снова не умѣвшихъ воспользоваться своимъ превосходствомъ. Бой при Марсъ-Латурѣ также могъ быть пагубенъ для прусаковъ, вслѣдствіе неумѣстнаго проявленія частной инициативы.

Но если частная инициатива во многихъ случаяхъ чрезвычайно важна, необходима и полезна, а въ другихъ вредна, то долженъ быть указанъ *регуляторъ* для ея проявленія. Этимъ регуляторомъ, какъ кажется, могло бы служить такое общее правило: «каждый начальникъ отдѣльной части войскъ можетъ и долженъ проявлять частную инициативу лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринятое имъ можетъ быть съ успѣхомъ исполнено *одними, вѣрными ему, войсками*, вполне самостоятельно, не рассчитывая на помощь другихъ частей своей арміи».

При такомъ ограниченіи семь баталіоновъ не пойдутъ въ атаку противъ трехъ корпусовъ и тѣмъ не разстроятъ предположеній главнокомандующаго и не принудятъ его вести бой неподготовленный, преждевременный и часто нецѣлесообразный. Поэтому, сомнительно, чтобы правило *идти на выстрѣлы*, столь полезное *въ иныхъ случаяхъ*, и котораго прусаки держались *всегда*, могло быть принято, какъ нѣчто неизмѣнное. Зная господство этого правила, противная сторона нарочно можетъ завязать дѣло демонстраціоннаго значенія, съ цѣлью обратить вниманіе непріятеля въ другую сторону и тѣмъ ослабить его на главномъ пунктѣ, избранномъ для атаки. Слѣдовательно, и правило *идти на выстрѣлы* также должно быть регулировано; средствомъ для этого является: правильное ориентированіе, т. е. выясненіе обстановки, къ чему современная техника можетъ много способствовать, *напримѣръ*, подавіемъ условныхъ сигналовъ съ воздушныхъ шаровъ, видимыхъ на дальнемъ разстояніи.

Поэтому инициатива должна быть предоставлена по преиму-

ществу такимъ лицамъ, которые стоятъ во главѣ крупныхъ боевыхъ единицъ и цѣлыхъ отдѣльныхъ армій. Такихъ лицъ требуется немного, и каждое изъ нихъ должно быть научно подготовлено для выполнения возлагаемыхъ на него задачъ, быть «генераломъ-стратегомъ», какъ говоритъ генераль Лееръ, а не только «генераломъ-тактикомъ». Эти-то лица и будутъ ближайшими помощниками полководца, стоящаго во главѣ всей арміи, и будутъ только разумно исполнять его общія предначертанія, выражающія творчество его личнаго гения. Это еще не значитъ, что они сами будутъ творить въ области стратегіи, и что поэтому *творчество единоличное* эпохи Наполеона въ наше время должно быть замѣнено творчествомъ *коллективнымъ* (стр. 281), подобно тому, какъ и управление арміей изъ единоличнаго также стало коллективнымъ (стр. 277).

Коллективное творчество и роль полководца.

Въ эпоху Наполеона, да и всегда, управление арміей было, да не могло иначе и быть, какъ *коллективнымъ*. Не могъ же онъ лично строить дивизію или каждый полкъ въ боевой порядокъ, размѣщать его на бивагѣ, ставить на полѣ сраженія и управлять его походными движениями. Вся эта *техника управления* была коллективная и предоставлялась частнымъ начальникамъ. Что же касается до *коллективнаго творчества* въ области стратегіи, то оно и при Наполеонѣ и до него, и въ будущемъ, будетъ всегда только *единоличнымъ*, потому что *коллективнымъ* оно и быть не можетъ.

Всякое творчество есть продуктъ характера, силы ума и духа, присущихъ творческой личности, его проявляющей. Полководецъ *одинъ* составляетъ идею общей операціи, предоставляя другимъ только выполнение его предначертаній въ частностяхъ, въ области техники и *тѣхъ примѣненій къ ней, которыя лучше способствуютъ выполнению въ цѣломъ* его общихъ предположеній. Поэтому, полководецъ и теперь, какъ и всегда, можетъ творить только *лично*, а частные начальники лишь *разумно исполнять* его волю, приспособляясь къ условіямъ все той же обстановки, которая на войнѣ всемъ повелѣваетъ. Слѣдовательно, роль полководца и въ наше время не только не пала, не стала *ничтожной*, какъ говоритъ авторъ, но стала еще сложнѣе, чѣмъ была, потому что современная техника осложнила условія обстановки, умѣнше пользоваться которою и опредѣляетъ гений полководца.

Поэтому, какъ вполне справедливо замѣчаетъ генераль Лееръ, «истиннымъ творцомъ новѣйшей стратегіи является Наполеонъ I». Другими словами, такъ называемая *современная стратегія* есть та же стратегія эпохи Наполеона, и таковою же останется и въ будущемъ, потому что она всегда была и будетъ *умѣншемъ правильно опредѣлить, а при случаѣ создать и воспользоваться обстановкою, какъ по отношенію къ условіямъ силы, такъ и относительно времени и мѣста*.

Въ этомъ заключается *вся суть* стратегіи; все остальное относится уже къ частностямъ, и можетъ мѣняться до безконечности, и достигаться приемами (способами), даже другъ другу противоположными. Эти приемы генераль Лееръ называетъ *типами*, и говоритъ, что «нѣкоторые изъ нихъ диаметрально противоположны одинъ другому въ разныхъ эпохи». Положеніе это совершенно вѣрно, хотя иные могутъ сказать: «есть ли въ этихъ типахъ что либо неизмѣнное, когда они могутъ быть примѣнены и въ прямомъ, и въ обратномъ смыслахъ»? Чтобы отвѣтить на поставленный такимъ образомъ вопросъ, укажу на два историческіе примѣра. Для сохраненія за арміей условія *силы* она должна быть обезпечена продовольствіемъ, что вызываетъ устройство базы. Въ Тридцатилѣтнюю войну Густавъ-Адольфъ для созданія такой базы *беретъ крѣпости*, лежащія у него на пути и въ нихъ сосредоточиваетъ свои запасы. Въ 1706 году Евгенийъ Савойскій, дѣйствуя въ Италіи, *бросаетъ* свою естественную базу на Тироль, *обходитъ* всѣ непріятельскія крѣпости, т. е. поступаетъ *обратно* Густаву, но достигаетъ того же результата: создаетъ себѣ новую базу совершенно инымъ способомъ, потому что въ обоихъ случаяхъ условія обстановки были совершенно различны. Дѣйствительно, Густавъ-Адольфъ вступаетъ въ страну, враждебную шведамъ, и неготовность ея жителей содѣйствовать прокормленію его арміи не можетъ рассчитывать, особенно въ первые годы войны. Напротивъ того, принцъ Савойскій вступаетъ въ страну, гдѣ на него смотрятъ, какъ на избавителя отъ французовъ, занимающихъ плодородную Италію.

Слѣдовательно, оба полководца, создавая для себя базу, дѣйствовали способами, *противоположными* другъ другу, потому что оба правильно поняли условія обстановки, умѣло воспользовались тѣмъ, что она представляла, и создали то, чего ей не доставало.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ придти къ заключенію, что задачи, такъ называемой, *современной* стратегіи тѣ же, что были прежде, и чѣмъ будутъ впредь и состоятъ въ умѣнши пользоваться обста-

повкой, и въ способности полководца создавать ее въ благоприятныхъ для себя условіяхъ. Отъ полководца поэтому требуется еще больше таланта, чѣмъ прежде, такъ какъ техника измѣнила условія обстановки по отношенію къ пространству и времени (желѣзныя дороги), что даетъ возможность болѣе быстраго передвиженія большихъ массъ на большія разстоянія.

Въ чемъ же проявить себя современная стратегія въ будущихъ войнахъ? На этотъ вопросъ нѣкоторые писатели, какъ Леваль и другіе, а также авторъ разсматриваемаго мною труда, говорятъ, что она выразится въ употребленіи миллионныхъ массъ на театрѣ дѣйствій; въ медленныхъ движеніяхъ этихъ массъ въ опредѣленныхъ желѣзными дорогами направленіяхъ; въ отсутствіи искусныхъ маневровъ и въ фронтальномъ столкновеніи этихъ огромныхъ массъ на полѣ сраженія. Далѣе говорится объ умаленіи творчества полководца и замѣнѣ его творчествомъ коллективнымъ, выражающемся въ инициативѣ частныхъ начальниковъ. Выводъ же изъ всего этого будто бы тотъ, что современное военное искусство понизилось и даже *пало*.

Что такое современная стратегія и пало ли современное военное искусство?

Къ такому выводу пришли нѣкоторые военные писатели, изслѣдуя войны послѣдняго времени, особенно войну 1870—1871 гг. Но было уже сказано, что именно эта война, по исключительности условій, въ которыхъ велась, не можетъ даже быть принята за норму, и дѣлать по ней выводы для будущаго, опредѣляя ихъ какъ *общія начала*, было бы слишкомъ гадательнымъ.

Я уже говорилъ о значеніи массы вообще и о томъ, какое оно имѣетъ отношеніе къ качеству. Здѣсь только прибавлю, что рѣшительно ничто не вызываетъ «роковой необходимости» въ употребленіи миллионныхъ массъ на одномъ и томъ же театрѣ войны. Стѣтъхъ поръ, какъ существуетъ историческій міръ, не было боя и даже театра войны, гдѣ на одной сторонѣ оперировала бы миллионная армія, если не считать гадательныхъ указаній на армію Дарія¹⁾. Причина тому заключается не только въ условіяхъ стратегическихъ, но, главное, въ условіяхъ *экономическихъ*. Эти условія не поддаются

¹⁾ Въ такъ называемой *битвѣ народовъ* при Лейпцигѣ 6-го (18-го) октября 1813 года, какъ было уже сказано, участвовало въ бою съ обѣихъ сторонъ всего 190,000 и 282,000 бойцовъ, т. е. меньше полумиліона. А это была *наибольшая* массовая битва.

никакимъ компромисамъ, а зависать отъ законовъ природы, всегда неизмѣнныхъ. *Есть предѣлъ*, далѣе котораго не можетъ идти страна *въ вопросѣ о формированіи миллионныхъ армій* и о средствахъ ихъ продовольствія. Слѣдовательно, нельзя и утверждать, что въ будущихъ войнахъ будутъ оперировать миллионныя арміи, тѣмъ болѣе, что такія арміи и въ стратегическомъ смѣслѣ являлись бы скорѣе бременемъ для полководца, излишнею массою, стѣсняющею его операци, прикованною къ направленію желѣзныхъ дорогъ, подвозомъ по которымъ только и можно удовлетворить ея матеріальныя потребности, и представляющею лишь количество вмѣсто качества. Напротивъ того, многое говоритъ въ пользу того, что экономическія причины приведутъ въ будущемъ къ «роковой необходимости» уменьшить численность армій, особенно въ мирное время, въ ожиданіи войны. Самыя войны должны стать рѣже и причины ихъ серьезнѣе, чѣмъ прежде, вызываясь вопросомъ объ экономическомъ, а слѣдовательно и политическомъ существованіи.

Поэтому, только появленіе въ будущемъ гениальнаго полководца покажетъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать въ условіяхъ *массы*, которая, по всѣмъ даннымъ, какъ стратегическимъ, такъ и экономическимъ, *должна быть уменьшена на счетъ возвышенія ея качества*. Иначе, прикрѣпленіе армій къ линіямъ желѣзныхъ дорогъ было бы равносильно возстановленію отжившей свой вѣкъ магазинной пяти-переходной системы. Равнымъ образомъ, раскидываніе миллионной арміи на сотни верстъ по фронту было бы воскрешеніемъ, осужденной опытомъ, кордонной системы. Фронтальные же бои миллионныхъ армій представляли бы не *пониженіе* военного искусства, а *совершенное его уничтоженіе*, такъ какъ такой бой ничѣмъ не отличался бы отъ боя барановъ, которые, ставъ на разстояніи другъ противъ друга, съ разбѣга ударяются лбами. Талантливый полководецъ всегда избѣжалъ бы необходимости такого боя, сумѣлъ бы замаскировать передвиженіе значительныхъ частей своей арміи съ тѣмъ, чтобы появиться съ ними тамъ, гдѣ его не ожидаетъ противникъ; сумѣлъ бы съ успѣхомъ оперировать противъ его фланговъ и въ особенности тыла (широко разивъ дѣйствія партизанскихъ отрядовъ), стараясь захватить и разрушить его желѣзныя дороги и проч., и проч.¹⁾. Словомъ, и въ будущемъ задачи страте-

¹⁾ Припомнимъ, напримѣръ, оперціи спелевской арміи прусаковъ въ 1866 г. при вступленіи въ Богемію, и массею арміи въ 1870 г., обходящей флангъ арміи Базена, съ цѣлью отрезать ее отъ Шалона.

ги будутъ состоять: въ томъ же умѣньи пользоваться существующею обстановкою; въ созданіи для себя благоприятныхъ условій, короче, *въ правильномъ пониманіи условій силы, воли, ума человека и въ согласованіи ихъ съ природою, въ зависимости отъ времени и мѣста.* Въ этомъ и заключается вся *суть* военного искусства, выразителемъ котораго, какъ всегда, былъ и будетъ *гений* или талантъ полководца.

Что касается до теоретическихъ задачъ стратегіи современной, то въ этомъ отношеніи было бы желательно лишь одно: устранить изъ ея номенклатуры множество терминовъ, имѣющихъ въ сущности почти одинъ и тотъ же смыслъ (схема, норма, типъ, масштаб и проч., и проч.), но которые для многихъ болѣе затемняютъ, чѣмъ разъясняютъ сущность стратегіи, и, повидимому, дѣлаютъ ея положенія шаткими. Все это исчезло бы съ признаніемъ за стратегіей и ея принципами того опредѣленія, которое составляетъ ея сущность, и которое, какъ великая и вѣчная истина, высказанная Наполеономъ, состоитъ въ томъ, что:

1) *Принципъ* стратегіи заключается въ правильномъ пониманіи данной обстановки, принимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ, относительно значенія силы, воли и ума человѣка, а также его природы и зависимости отъ пространства, времени и мѣста.

2) Умѣнье создать благоприятную для себя обстановку и воспользоваться ею наилучшимъ образомъ, есть *творчество* генія полководца.

3) *Способы* для наилучшаго или соответственнаго пользованія обстановкой чрезвычайно разнообразны и могутъ быть даже противоположны другъ другу: выборъ ихъ служить мѣриломъ таланта, бездарности или генія полководца. Остановившись на этихъ опредѣленіяхъ, устранится смѣшеніе *принциповъ* съ основами, устоями, нормами, масштабами и даже *осями* (?), о которыхъ говорить Наполеонъ.

Опасаясь выйти за предѣлы журнальной статьи, не могу еще не сказать нѣсколько словъ о значеніи общественнаго мнѣнія на дѣйствія полководца.

Общественное мнѣніе, говоритъ авторъ разбираемаго сочиненія (стр. 225), «несравненно больше» руководило операцией арміи Макъ-Магона къ Седану, «чѣмъ стратегическія его соображенія». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что современный полководецъ невольно долженъ считаться съ этимъ мнѣніемъ, приобретающимъ все болѣе

Признать подобную зависимость дѣйствій полководца отъ общественнаго мнѣнія, значило бы еще болѣе принизить его роль и заставить его быть исполнителемъ не своего творчества и воли, а разслабленнымъ, котораго водятъ на помочахъ. Да и случай выбранъ не подходящий. Макъ-Магонъ, собственно говоря, и не былъ въ роли полководца. Съ одной стороны, онъ былъ подчиненъ Базену, запертому въ Мецъ; съ другой—подчиненъ регенству, находившемуся въ Парижѣ и присылавшему ему настоятельныя требованія идти къ Мецу на освобожденіе Базена. Уступая не общественному мнѣнію, а давленіямъ изъ Парижа, Макъ-Магонъ противъ воли долженъ былъ покориться.

Исходъ Седанской операціи показалъ, насколько губительно насиловать свободу и волю полководца. Подчиняться же голосу общественнаго мнѣнія, болѣею частью ложно понимающаго условія, въ которыхъ находится полководецъ, и немнѣющаго представленія о предстоящихъ ему къ разрѣшенію задачъ, было бы губительно военнаго искусства.

Если бы въ 1812 году Барклай-де-Толли внялъ голосу общественнаго мнѣнія и даже голосу арміи, и вмѣсто отступленія, перешелъ бы въ наступленіе противъ Наполеона, то былъ бы неминуемо разбитъ и Россія проиграла бы войну. Хорошій полководецъ поступить, какъ Кутузовъ на военномъ совѣтѣ въ Фляхъ: все рѣшили драться передъ Москвою, а онъ приказалъ отступать за Москву и тѣмъ выигралъ кампанію.

Изъ всего изложеннаго выше приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Такъ называемая *современная стратегія* не есть собственно таковая, а представляетъ лишь выводы изъ *современныхъ намъ войнъ*, еще недостаточно изслѣдованныхъ съ критической точки зрѣнія; а потому дѣлать на основаніи ихъ послышки для будущаго, въ формѣ опредѣленныхъ *общихъ положеній*, рискованно. Въ сущности, современной стратегіи не существуетъ: задачи ея были и будутъ всегда однѣ и тѣ же и состоятъ въ умѣньи наилучшимъ образомъ *создать, оцѣнить и воспользоваться обстановкой*, понимая ее въ широкомъ смыслѣ.

2) По причинамъ стратегическимъ и, въ особенности, экономическимъ, стремленіе къ образованію миліонныхъ армій не можетъ быть признано рациональнымъ; эти причины указываютъ скорѣе на необходимость уменьшенія массъ и возвышенія ихъ качествъ.

3) Громадныя арміи, оперирующія на одномъ и томъ же театрѣ

войны, едва ли когда превзойдутъ цифру 500,000 человѣкъ съ одной стороны; причемъ составятъ не одну, а двѣ или три отдѣльныя арміи, въ общей связи между собою, руководимыя полководцемъ, направляющимъ ихъ къ одной общей цѣли, но съ предоставленной имъ инициативой для достиженія частныхъ цѣлей.

4) Трудно допустить, чтобы на одномъ пунктѣ театра войны въ бою участвовала съ одной стороны армія свыше 200,000—300,000 человѣкъ. Современная техника и регулированная частная инициатива отдѣльныхъ начальниковъ всегда дадутъ талантливому полководцу возможность управлять вполне самостоятельно общимъ ходомъ боя, предоставляя другимъ его частности.

5) Поэтому, отъ современнаго полководца требуется еще большій талантъ, чѣмъ прежде; а отъ частныхъ начальниковъ большая научная подготовка, умственное развитіе и сила характера, т. е. большая самостоятельность, не переходящая, однако, за извѣстные предѣлы, и строго регулированная.

6) Современное военное искусство, поэтому, не понизилось и не пало. Его слѣдовало бы признать совершенно уничтоженнымъ, если бы оно дѣйствительно было сведено до механическаго лобового удара массы о массу, безъ всякихъ отклоненій въ сторону, безъ возможности маневрированія, отдаленія отъ желѣзныхъ дорогъ и безъ проявленія творчества полководца.

Геній полководца всегда укажетъ выходъ изъ неблагопріятныхъ для него условій обстановки, которую онъ самъ сумѣетъ создать.

Поэтому, только появленіе такого генія въ будущемъ покажетъ на опытѣ (безъ котораго всѣ предположенія останутся не доказанными), какое опредѣлится отношеніе *силы*—къ массѣ и ея качеству; чѣмъ будетъ регулирована частная инициатива; какими способами обезпечится вопросъ о продовольствіи арміи, какъ она будетъ драться въ бою и маневрировать на театрѣ дѣйствій, и проч.; словомъ, только опытъ можетъ рѣшить вопросъ о *наилучшемъ пользованіи обстановкой*, чего по современнымъ войнамъ ближайшей къ намъ эпохи сдѣлать еще нельзя, не рискуя *частное и исключительное* возвести въ *общее и непреложное*.

Заканчивая обзоръ интереснаго труда капитана Мартынова, я долженъ замѣтить, что за нимъ нельзя не признать *научнаго* значенія, если не въ смыслѣ опредѣленныхъ выводовъ науки, то въ смыслѣ изслѣдованія, *подлежащаго изученію*, для опредѣленія этихъ выводовъ путемъ сличенія, анализа и критики.